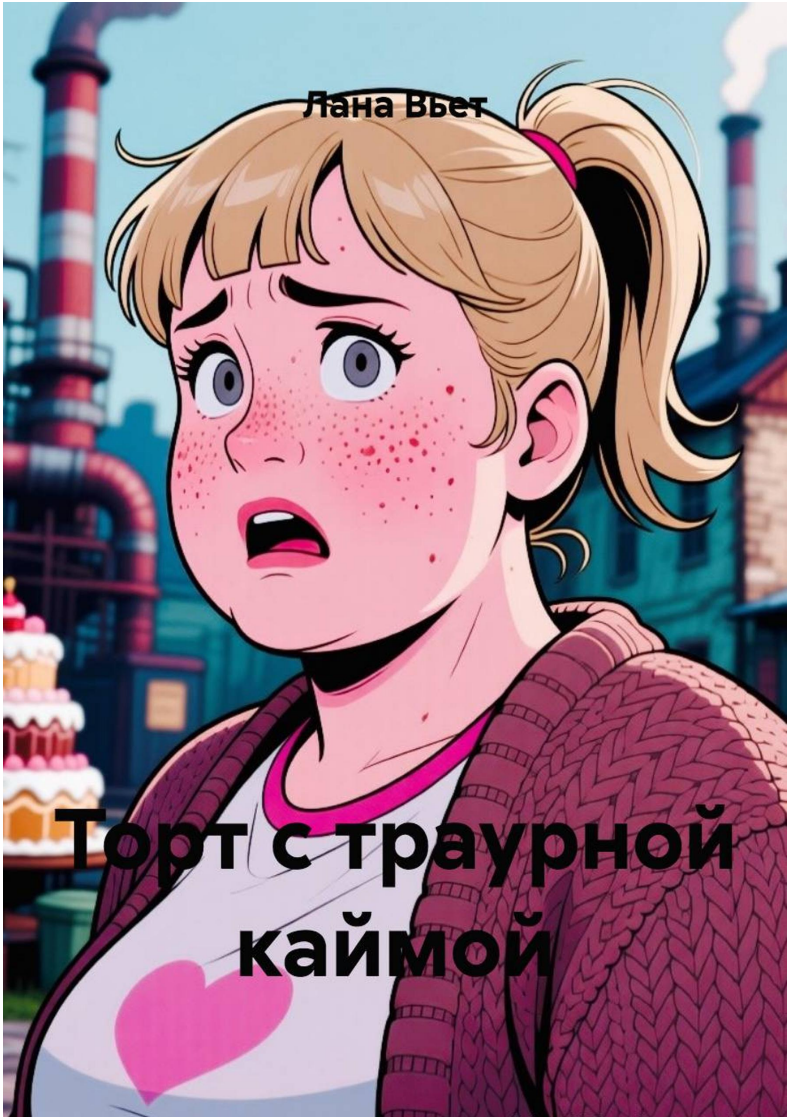

Лана Вьет
Торт с траурной каймой

Лана Вьет
Торт с траурной каймой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72885172
SelfPub; 2025

Аннотация

Героиня Варвара Пряникова заканчивает школу, не может определиться с будущей профессией. Ее мать Людмила Николаевна работает заместителем директора кондитерской фабрики «Сластена» в провинциальном городке Грибочинске. В день юбилея фабрики директор решил угостить жителей города эклерами, но которые таинственным образом исчезли. Вместо угощений обнаружена записка "Сахар – белая смерть". Горожане посмеивались до того момента, пока одноклассник Варвары – Огуречников Матвей не обнаружил труп директора фабрики Сахарова в вагоне со сладкой ватой. Ребята начинают свое расследование, так как лейтенант Борщов включил в число подозреваемых в совершении преступления и маму Варвары. Сюжет книги – это настоящий винегрет из сладкого и криминального: провинциальный городок, загадочное исчезновение эклеров, угроза сахаро-зависимым и труп директора в сладкой вате. Идеальный рецепт для иронического детектива.

Книга первая из задуманной серии иронических детективов с героиней Варварой Пряниковой.

Лана Вьет
Торт с траурной каймой

Глава 1. Пряниковы

Воздух в Грибочинске в это утро висел густым, сладковатым покрывалом. Не та романтическая сладость, что манит в кондитерскую, а тягучая, приторная, как подгоревший сироп. Он въедался в стены домов на улице Фабричной, обволакивал скамейки в пыльном скверике у Дома Культуры «Рассвет», цеплялся за волосы прохожих. Этот запах – фирменный «аромат» города, его ДНК и одновременно клеймо. Его источали трубы Грибочинской кондитерской фабрики «Сластена», отмечавшей сегодня ровно полвека своего владычества над вкусовыми рецепторами людей и экономикой округи.

День на кондитерской фабрике «Сластена» начинался с запаха ванили и какао. Воздух был настолько густым от ароматов, что казалось, его можно разрезать ножом и подавать с кремом. Людмила Николаевна Пряникова, заместитель директора кондитерской фабрики со сладкой фамилией Сахаров, «рабочая пчела» фабрики, уже была на рабочем месте. Она любила свою работу, но как мама шестнадцатилетней Варвары, которая в ближайшее время должна закончить

школу, Людмила Николаевна иногда чувствовала вину перед дочкой. С занятостью на работе, при не нормированном рабочем графике Людмила Николаевна не так много уделяла времени Варваре. Вот и сегодня, как обычно, она ушла на работу засветло, оставив на столе записку: «Варечка, не забудь позавтракать! На столе под салфеткой пряник в глазури и молоко». Варвара, терпеть не могла сладкое на завтрак, но как сказать об этом маме? Это же продукция ее любимой фабрики. Варвара с тоской посмотрела на бутерброд с колбасой и с удовлетворением подумала, что лето после выпускного станет ее личным освобождением от мира углеводного безумия.

Варвара Пряникова подошла к окну своей комнаты – небольшой, но по-девчачьи уютной, с постерами рок-групп – последнего бастиона подросткового бунтарства двухгодичной давности и аккуратными стопками книг. За окном кипела предпраздничная суета. Варвара откинула со лба прядь светло-русых волос, собранных в небрежный хвостик и обвела ладонью лицо, усыпанное веснушками. Ее миндалевидные серые глаза смотрели на мир с любопытством. Варвара с детства была упитанным ребенком, но в ней не было и тени неуверенности в себе. Мама почти с пеленок внушала: «Варечка, зеркала дурят. Цветет не та роза, что ярче, цветет та, что умнее удобрена. Налегай на книги, а не на шоколадки. Хотя шоколадки наши самые вкусные!» Варвара налегала, и на то, и на другое. Надо сказать, у нее это хорошо получа-

лось. Варвара выросла, вытянулась в росте, но так и осталась пухленькой, возможно, поэтому прозвище у нее было «пряник», что, впрочем, совершенно не смущало девушку. Она понимала, что будь она, как спичка, все-равно бы ее звали именно так. У подростков принято давать прозвища по фамилии. А какое еще могло быть прозвище у Пряниковой? Варвара была достаточно уверена в себе, чтобы не комплексовать по этому поводу и обладала таким прекрасным качеством, как самоирония. «Пряник», в конце концов, звучит куда приятней, чем «пышка». А книги Варвара читала взахлеб, разные: по школьной программе, любила детективы, приключенческие, интересовалась журналистикой («Орудием слова против сахарной глазури лжи!» – смеялась Варвара, говоря, что это девиз ее будущего).

Мама Варвары всю жизнь отдала фабрике, она не представляла другой работы и не желала другой жизни. Правда, Людмила Николаевна сожалела об ошибке, сделанной по молодости – развод с Вариным отцом, Алексеем Пряниковым, но дело прошлое и молодое: не хватило житейского опыта, понимания, никто не хотел уступать друг другу, идти на компромиссы, так и разбежались. «Глупые были…» – иногда вздыхала она.

В принципе Людмилу Николаевну устраивала ее жизнь: она радовалась за успехи дочери в школе, гордилась своими достижениями на работе, тем, что она сделала блестящую карьеру и стала правой рукой директора фабрики. Что беспо-

коило Людмилу Николаевну Пряникову, так это выбор дальнейшего пути дочери. Варвара никак не могла определиться с будущей профессией.

– Неужели у тебя нет никаких предпочтений? – время от времени спрашивала Людмила Николаевна, – Доченька, скоро выпускные экзамены в школе. Может тебе к нам… ? Поступишь на «технологию пищевых продуктов», потом устрою тебя на фабрику.

– Ага, и два пряника будут работать на «Сластене» – съязвила Варвара, – Скажи ты специально выбрала такую сладкую профессию, тебя тоже дразнили пряником и ты решила всем доказать, да?

– Моя ты девочка, – всплеснула руками Людмила Николаевна, – разве это обидное прозвище «пряник»?! Школу закончишь и все, конец прозвищам. Там уже взрослая жизнь и людей оценивают по тому, что сделали, а не по фамилиям… Кстати, мне всегда нравилась моя фамилия. Звучит сладко… Вот выскочишь замуж и поменяешь фамилию на мужнину… смотри, чтоб он не оказался каким-нибудь… Огуречниковым, вон, как твой одноклассник «огурец»…

– Мам! – запротестовала Варвара, – ну какой замуж, ты че!? Мне еще лет-то сколько… И вообще, все нормально с нашей фамилией. Звучит красиво, дело не в этом.

– А в чем? – не поняла Людмила Николаевна.

– Не хочу я на фабрике работать, – призналась Варвара, – Не знаю куда хочу… но не на фабрику, это точно.

– Смотри, дочь, осталось-то три месяца и уже поступать надо, – предупредила Людмила Николаевна, – не работать же идти. Получить образование сначала. Я прокормлю тебя пока учишься, не беспокойся. Пора бы уже институт выбрать…

– Мам, я теряюсь в выборе между космонавтикой и… кассиршей в супермаркете… – отшучивалась Варвара.

Она и сама думала над тем, куда поступать учиться, но… единственное, что Варвара знала точно, что уедет подальше от этого города с его провинциальной серостью, подальше от маминых нравоучений, подальше от пряников с глазурью по утрам и подальше от сладостей, которые она так любила.

Проветривая комнату, Варвара смотрела в открытое окно, жуя бутерброд с колбасой и сыром, мысленно пообещав себе есть элегантные круассаны в столице после поступления в…. куда? «Впрочем, у меня еще есть время придумать.» – решила Варя. Напротив, на другой стороне улочки находилась небольшая гомеопатическая аптека с милым названием «Сладкие пилюли». Варвара чуть не выронила бутерброд от разобравшего ее смеха. Она увидела, как новый владелец аптеки Тимофей Ильич, тщетно пытавшийся оттереть пятно на стеклянной входной двери, поскользнулся и выронил из рук бутылочку с какой-то зеленоватой жидкостью. Флакончик вдребезги разбился, обрызгав белый халат незадачливого аптекаря, который явно выругался, вероятно, произнеся вслух формулу чудодейственного порошка. Тимофей Ильич Аристов, как оказалось, был приверженцем народных

средств лечения, гомеопатии и ярым противником «БигФармы». Он выступал за здоровый образ жизни, старался не выписывать рецепты на химические препараты, даже если его об этом просили жители города, сами себе ставившие диагнозы, начитавшись в интернете о различных симптомах. Гомеопат Аристов советовал сначала попробовать щадящие организм средства. Он постоянно носил выражение лица «я только что увидел приведение формулы». Вообщем, Тимофей Ильич слыл чудаком, имел отсутствующий взгляд, увлекался эзотерикой и рассказывал о движении энергии в пространстве, об энергетических блоках, что-то в этом духе… выражался витиеватыми оборотами и вставлял непонятные слова, скорее всего на латинском, раз закончил фармацевтический колледж. Варвара не очень понимала то, о чем он вещал своим посетителям, но любила заглянуть в его лавочку с разноцветными пузырьками, склянками, маленькими коробочками и разными травами. Заметив смеющуюся Варвару, аптекарь махнул тряпкой в знак приветствия.

– Пря-никова! Утро доброе! – запищал он, тут же наступив на лужицу из разлившегося содержимого. – Внимание, алгоритм… э-э-э… экологической деструкции! – он повысил голос, – Варя, Вы знаете, что позавчерашняя смена «Сластены» выкинула брак целой партии «Фаворита»! Слегка помятые эклеры, видите ли… на свалку за пристань! Муравьи там сейчас демографический кризис переживают! Наглядная фармакодинамика яда! – Он потряс шваброй, которой

подметал осколки разбившейся склянки. – Надо бы «Нукс вомику» для детоксикации… да кто даст? Вся округа на раздачу рванет! Химическое помешательство!

– Тимофей Ильич, – крикнула Варвара, еле сдерживая улыбку, она ничего не поняла, что он хотел сказать, – «некондиционные» эклеры могли испортиться. Вот и скинули.

– Подумаешь, штаммы бактерий! Белок да углеводы! Естественный биоценоз! А люди?! – Аристов махнул рукой, – Оцепили свалку! Баба Маня с Ломовой улицы уже три пилюльки «Игнации» от истерии приняла! Дед Курочкин кричит: «Отрава! Сам видел, как Сахаров вонючий краситель в крем ложил!» Я им советую «Ацидум фосфорникум» для нервов и витамин С в виде кристаллов цитрина… под язык! Энергия солнца против сахарной тьмы! – Он вдруг наклонился, подбирая с тротуара что-то мелкое. – О! Гранула «Сульфур»! Удача! Это же для очищения… вселенских каналов! – и запихал ее в рот…

Позже, спускаясь к площади, Варвара увидела Аристова возле городского парка аттракционов, ютившегося за невысоким забором прямо под стенами фабрики. Скрипучие «Ромашки» и облезлый «Автодром» выглядели сиротливыми островками прошлого на фоне фабричных громад. Аристов с жаром что-то объяснял дяде Сене, владельцу вагончика «Сладкая вата». Дед Сеня, вечно в растянутом свитере цвета пудровая роза, чесал затылок, слушая с видом человека,

которого пытаются обратить в инопланетную веру.

– …и главное, Семен Семеныч, – ораторствовал Тимофей Ильич, размахивая пузырьком с мутной жидкостью, – это синергия! Твоя вата – сахарная основа. А моя эссенция «Лахезис мута», настоянная на свете полной луны… она потенцирует действие! Не просто сладость, а астральный проводник радости! Люди будут становиться в очередь! Забвение проблем гарантировано! Особенно при местном фоне… – он многозначительно ткнул пальцем в сторону фабрики.

Дядя Сеня скептически хмыкнул, подбивая угли в своей переносной печурке. – Потенцируй, не потенцируй, Тимоха, а вата – она и есть вата. Сахар да огонь. И чтоб чисто. И чтобы дух стоял! А твоя «мута..тень»… она вонять не будет? У меня клиенты – дети малые. Напугаешь – не придут.

– Вонять?! – Аристов возмущенно подбоченился. – Это тонкие вибрации платинового уровня! Аромат мироздания! А детей… им как раз для гармонизации ауры… по три гранулы! Специальная детская дозировка «Калькареи фосфорики»! Для укрепления костных субстанций под влиянием моносахаридов!

– Ладно тебе, алхимик! Кабы мозги твои на полезное… – Дяде Сене явно попала в дыхательные пути сладкая пыль. Он закашлялся, махнул на Аристова рукой, с азартом дернул ручку машины, выпуская облако липкой розовой сладости в проволочную сетку. – Вот, Человекам радость, а не виражности всякие!

Аристов обиженно фыркнул и двинулся прочь, бормоча про «узость сознания шаблонного сладкоежничества». Варвара ускорила шаг, избегая встречи. Но надо признать, новый владелец аптеки, гомеопат-энтузиаст несомненно добавил новый штрих к колориту Грибочинска.

Глава 2. Юбилей «Сластены» и пилюля горькой правды

Главная площадь Грибочинска – площадь трудовой Славы. Место не парадное, а скорее функциональное. Асфальт в заплатах, уродливая бетонная трибуна с облезлым рисунком, сохранившаяся еще с советских времен, скамейки с мусорными урнами, правда, администрация в прошлом году установила новые. Сейчас площадь преображалась. Устанавливался наскоро сколоченный павильон с колоннами, имитирующими сахарные трости. Золотая краска тут же трескалась. Рядом павильон, место предполагаемого главного действа – длинные ряды столов, застеленных клеенкой цвета дешевого крема. Они пока пустовали. В центр площади потихоньку стягивались горожане: подростки с видом «дай два!», бабушки с авоськами «на всякий случай», рабочие с фабрики в спецовках.

Сегодня для Людмилы Николаевны Пряниковой был особенный день – юбилей фабрики – 50 лет! Она столько лет отдала этому предприятию, столько сил и энергии вложила,

что заслуживала хорошего праздника. И весь городок должен ликовать с ней. Что нельзя было сказать о Варваре Пряниковой, для которой этот день был обычным, как и любой другой в ее жизни – слегка липкий от сахарной пудры. Но мамой Варвара гордилась. Она пробиралась к месту встречи с Матвеем Огуречниковым у монумента «Рабочий и Колхозница», который местные прозвали «Ваня с Манькой и караваем». Матвей уже ждал. Высокий, сутулящийся, в мешковатых джинсах и футболке «Я ♥ Спирулину». Надписи на футболках он наносил сам. Его худоба рядом с Варварой казалась почти аскетической. Матвей методично жевал стебель сельдерея.

– Пряник, – кивнул он. – Чувствуешь? Глюко-за-пах! – Он брезгливо сморщился на облако фабричного пара. – Инсулиновая бомба замедленного действия. И это они празднуют?! Финал предрешен -вымирание человечества, как биологического вида!

Варвара улыбнулась. «Огурцу» всегда мерещились заговоры, кризисы и опасности для здоровья. Подруга Юлька с любовью называла их дуэт «Прянично-Огуречная аномалия Грибочинска».

– Расслабься, Огурец. Просто город хочет халявную сладость. Как всегда. – сказала Варвара.

– Халява – главный токсин общественного сознания! – Матвей решительно хрустнул сельдереем и принюхался. – Никакого аромата… «Фаворита». Должен быть шлейф. Воз-

дух пуст. Технологический сбой? Или… диверсия? Ты видела Аристова у дяди Сени? Говорил про отравленных муравьев на свалке эклеров…

– Он что, весь день про это болтает? Или мы были там в одно и то же время? – усмехнулась Варвара, – Я не заметила тебя.

– Эх, Пряникова! – театрально вздохнул Матвей, – Не замечаешь ты меня! Может, мне начать петь серенады под твоим окном по ночам, тогда хоть ты меня заметишь?

– Прекрати свои глупые шуточки, Огурец! – фыркнула Варвара.

В честь юбилея директор, Аркадий Федорович Сахаров, задумал не просто корпоратив, а грандиозный пир для всего города – бесплатную раздачу легендарных эклеров «Фаворит». Город ликовал, а воздух был настолько пропитан ожиданием праздника с халявным угощением, что казалось уже одним этим можно было насытиться. Вечером главная площадь города Грибочинска напоминала муравейник. Толпа, возбужденная перспективой бесплатной сладости, гудела. Был установлен огромный павильон, где должны были раздавать эклеры. Директор, Аркадий Федорович Сахаров, величественный мужчина с талией как у добротного бисквитного рулета, задумал грандиозное событие: вечерний корпоратив для сотрудников и бесплатная раздача фирменных эклеров «Фаворит Сахары» для всех жителей! Этот эклер был легендой: воздушное заварное тесто, наполненное нежней-

шим кремом на основе уникальной сливочной смеси и карамелизованного тростникового сахара из запасов самого Аркадия Федоровича. О них говорили шепотом, они были символом успеха фабрики.

Сам Аркадий Федорович в белом смокинге, сшитом на заказ специально для юбилея, отороченном переливающейся органзой (по мнению директора она должна была походить на сахарную кайму) готовился к торжественной речи рядом с пустым, накрытым парчой столом. Людмила Николаевна, лицо которой напоминало натянутый круассан, суетилась вокруг, переговариваясь с охраной. Варвара стояла с краю со своим одноклассником Матвеем Огуречниковым. Матвей был редким для Грибочинска явлением – высокий, худой, аскетичный, помешанный на здоровом питании и теории заговоров фармкомпаний. Он жевал стебель сельдерея и брезгливо морщился от сладкого амбре.

– Гляди, ваш Шеф-Кондитер уже трещит как пересушенный безе, – ехидно заметил Огуречников, кивая на Сахарова. – Инсулин точно скоро взбунтуется.

– Огурец, отстань, – вздохнула Варвара. – Это же большой день, он просто волнуется. Мама тоже вся издергалась.

– Твоя мама зря не дергалась бы. Тут чем-то… не сладким пахнет. В прямом смысле, никакого запаха карамели. Странно.

– У тебя нюх что-ли? – усмехнулась Варвара.

– Не смейся, – серьезно сказал Матвей, – когда переста-

ешь есть всякую дрянь, организм очищается и чует все!

Варвара подумала, что Огуречников прав. Аромат дешевых духов и шашлыка с соседней «Шаурмы» перебивал фирменный запах “Фаворита”.

Официальная часть затянулась. На трибуну взгромоздились: председатель городского совета, бледный от недосыпа, с туго завязанным галстуком, который словно старался его придушить, далее шел ветеран кондитерского цеха в медалях и, наконец, сам Аркадий Федорович Сахаров. Директор «Сластёны» был воплощением «человека большого калибра» в буквальном смысле. Его костюм слегка растягивался на солидном животе, а лицо, обычно благостное, как пирожное «Картошка», сегодня напоминало пересушенный бисквит. Он нервно заправлял бабочку цвета вишневого джема. Рядом маячила мама Варвары, Людмила Николаевна Пряникова. В своей строгой юбке-карандаш и бежевой блузке она выглядела, как уверенная в себе пчелиная матка, но Варя знала этот жест: мама незаметно мяла в кулаке платок. Что-то не то…

– Дорогие грибочинцы! Фабрика «Сластена» – это не просто кирпичи и конвейеры! – голос Аркадия Федоровича гремел через динамики. – Это наши отцы и дети! Это сладкая душа города! И сегодня, в золотой юбилей…

– …эклеры подвезли или как? – выкрикнул громогласный тракторист Иван со сломанным носом.

Толпа загудела. Людмила Николаевна что-то резко сказала в рацию.

– …сегодня мы делимся душевным теплом! – Аркадий Федорович натянул улыбку, – угощаем вас фирменным чудом – эклером «Фаворит»! Вот он торжественный момент, которого вы все ждали! – Он сделал широкий жест к павильону, как фокусник. – Примите наш подарок!

Стоящие на сцене зааплодировали. Сахаров взмахнул рукой к кулисам павильона.

– Дорогие сластены! В честь нашего золотого юбилея угощаю вас… – он дал команду сорвать парчовое покрывало.

Его лицо, мгновение назад сияющее, превратилось в маску ужаса. Под покрывалом стояли… чистые столы! Горка пустых картонных подложек для эклеров лежала на краю. Пустота.

Толпа недоуменно загудела. Сахаров онемел. Людмила Николаевна стремительно бросилась к павильону.

– Аркадий Федорович, это… это невозможно! Вагон с эклерами прибыл два часа назад! Их должны были выставить!

И тут все заметили странную деталь. Посреди стола, на одной из пустых подложек, стоял небольшой торт и рядом аккуратный листок бумаги. Кто-то из зачарованно стоявших в первых рядах разглядел надпись и громко прочитал вслух: «Сахар – белая смерть! Хватит травить людей!»

На секунду воцарилась тишина, потом раздался грохот хохота.

– А-а-а, Аркаша, значит, твой крем нынче не по карману? – заорал тракторист Иван.

– Сахаров, ингредиенты подвели? Пальмовый жир взбунтовался? – неслось из толпы.

– Аркадий Федорович, ваши эклеры не только пальмовым маслом пахнут, но и тайным обществом! – выкрикнул кто-то.

Сахаров побагровел. Людмила Николаевна побледнела, как безе без подрумянивания. Это идиотское, нелепое происшествие никак не входило в планы. Людмила Николаевна со всей ответственностью готовила этот праздник, а тут такое недоразумение… Варвара снова почувствовала холодок по спине. Ее взгляд встретился с вопрошающим взглядом Огуречникова. Оба понимали – это было НЕ смешно. Это было даже… зловеще.

Варвара увидела, как мама нервно что-то сказала директору. Его лицо исказилось гневом. Он резко махнул рукой, отстранив Людмилу Николаевну почти грубо, крикнул охране: «Ищите вагон! Осматривайте всё!», и быстрыми шагами направился к служебному входу фабрики, что располагался в дальнем конце площади, рядом с ярмарочными аттракционами, где стоял и старый, с ржавчиной по бокам вагончик «Сладкая вата». Его владелец дядя Сеня уже собирался закрывать свою сахарную империю на сегодня. Все равно покупателей не будет, ведь все ждали бесплатной раздачи эклеров.

Смех толпы постепенно стихал, оставляя недоумение и разочарование. Люди начали расходиться, ворча. «Юбилей… скомкали», – слышалось вокруг. Людмила Николаевна бросилась к логистам и охране. Варвара и Матвей, по негласному уговору, держались неподалеку, наблюдая панику.

– Пряникова, ты видела, как он на твою маму посмотрел? – тихо спросил Огуречников. – Как на врага. Странно…

– Не надо выдумывать, Огурец! – отрезала резко Варвара, но внутри сжималось неприятное чувство. Она слышала эти слухи: между мамой и директором в последние месяцы возникали конфликты: бюджет, новый конвейер, ингредиенты…

Глава 3. Ужасное происшествие в Грибочинске

На следующее утро Варвара, отгоняя мысль об унизительном взгляде директора на маму, пошла встретиться с Огуречниковым. Варвара пошла мимо площади, где вчера не состоялся праздник. Вдруг дикий, режущий душу вопль раздался откуда-то из-за вагончика «Сладкой ваты». Все прохожие замерли. Из-за угла вагона вынырнул Матвей Огуречников. Он был белее своей любимой кокосовой стружки. Его рука, сжимавшая наполовину съеденный стебель сельдерея, дрожала. Он открывал рот, но не мог выдавить ни звука.

Он просто показал дрожащим пальцем в сторону вагона. Его глаза были полны чистого ужаса. Позже Варвара даже не могла вспомнить, как она туда добежала. Сердце колотилось о ребра.

И вот она, распахнутая задняя дверь вагончика «Сладкая вата». Внутри, на полу, в центре клочковатого, розового облака не проданной сладкой ваты, застывшей во взбивании, лежала огромная фигура Аркадия Федоровича Сахарова. Его белый, некогда ослепительный смокинг был испачкан в розовых сахарных паутинках. На роскошной шелковой рубашке алело темно-красное пятно. Прямо поверх сердца. Вокруг ног валялись разрозненные эклеры «Фаворит», некоторые были явно раздавлены в смертельной схватке или нелепом падении. А на его широкой надутой груди, пришпиленная булавкой к галстуку-бабочке, лежала карточка. Та же аккуратная надпись, кроваво-красным маркером поверх старой черно-белой фотографии, изображающей его самого в молодости у конвейера с эклерами: «Сахар – белая смерть. Первая жертва – ликвидирована. Сладких снов, Директор. P.S. Ваш заместитель теперь знает правду о своем сахаре». Стоя у вагона смерти, слушая отчаяние дяди Сени и ощущая гулкий ужас Матвея, Варвара поняла – это был не ужас перед кровью или смертью директора. Это страх за мать. Записка: «Заместитель знает правду о своем сахаре».

Пока ждали полицию в лице лейтенанта Борщова, Варвара позвонила маме и рассказала что случилось. Та немед-

ленно прибежала. От испытанного шока, Людмила Николаевна не могла произнести ни слова. По прибытии Борщов смотрел именно на Людмилу Николаевну своим свинцовым взглядом, выражавшим подозрения.

«Нет. Мама не убивала. Она нервная, ворчливая, вечно погруженная в сметы и поставки сырья, она ссорилась с Сахаровым из-за нового конвейера и экономии на какао… но убить? Вывалять в сахарной вате и ткнуть ножом? Но… что за «правда о сахаре»?» – мысли Варвары крутились не переставая. Её пальцы сжались в кулак. Надо было не плакать и не метаться в истерике. Она смотрела то на маму, то на лейтенанта Борщова, который обследовал место убийства. Всем сказали отойти подальше, чтобы не оставлять следы. «Маме итак тяжело. Надо найти нити… Кому нужно было убивать Сахарова? Это не игра и не фантомы «астральных энергетических ядов» Аристова, а настоящее убийство в Грибочинске. Нужны факты, весомые доказательства, которые освободят Людмилу Николаевну от подозрений. То, что видно под микроскопом. То, что не даст следователям впихнуть маму в список подозреваемых в убийстве человека…» – Варвара не могла успокоиться и одна ясная мысль пронзила ее, – Я хочу видеть доказательства. Читать их. Понимать. Как они это делают? Как находят преступников?» В голове щелкнуло, как тумблер. Путь был ясен, страшен и труден, но ее.

Далее все слилось для Варвары в дикий калейдоскоп ми-

галок, орущих сирен, бледных лиц толпы и резких голосов полиции. Тело Сахарова унесли в больничный морг – в городском не было условий. Всю площадь оцепили, охочих до зрелищ разгоняли. Кто-то плакал, кто-то шептался, кивая в сторону побледневшей, но собранной Людмилы Николаевны Пряниковой – она оставалась с полицией, что-то объясняя, показывая направление. Варвара видела пристальные взгляды стражей порядка на маму. Этот взгляд не был теплым. Огуречников все еще дрожал, он судорожно глотал минералку из бутылки, которую ему протянул кто-то из прохожих.

– Ко мне в кабинет, по горячим следам… – то ли скомандовал, то ли размышлял сам с собой Борщов.

После страшной находки в вагоне сладкой ваты, кабинет лейтенанта Борщова поражал своим унылым функционализмом и атмосферой хронической усталости. Пространство тесное, как клетка для медведя. Окно с грязноватым стеклом выходило на глухую стену соседнего корпуса. Пахло старым деревянным стеллажом, табачным дымом и крепкой заваркой. Сам Борщов сидел за столом, заваленным папками, похожими на слоеный пирог. Папка “Любимов И.П. (алиментщик)”, сверху стикер “Найден”, лежала на “Пожар в сарае Козлова М.С. (подозр. поджог)”. На стене висела дешевая репродукция «Опять двойка», где у двоечника неизвестный «художник» дорисовал милицейскую фуражку и написал ручкой: «Не верь, не бойся!». А кто-то маркером другим почерком подписал:«А ТРЕБУЙ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ!».

Громадная пепельница из гильзы танковой пушки, доверху забитая окурками. Дым от тлеющей папиросы в толстых пальцах лейтенанта медленно вился под потолок. Протокол допроса печатал помощник Борщова сержант Утконосиков. Сначала допросили Людмилу Николаевну, после чего взяли подписку о невыезде. Потом вызвали Матвея Огуречникова и Варвару. Дядю Сеню осматривал доктор, его очередь еще не подошла.

– Пряникова-младшая. Опять ты в центре. – Борщов смотрел на Варвару своими "свинцовыми" глазами, тусклыми, усталыми, но цепкими. – Рассказывай по порядку.

– А что рассказывать? – не поняла Варвара. – Мама ни в чем не виновата!

– Все рассказывай! Каждая деталь важна для следствия… выкладывай все, что знаешь. Может мать говорила что про Сахарова в последнее время?..

Глава 4. Тревожно

В маленьком домике на улице Сахарова, ирония судьбы, в буквальном смысле слова пахло бедой. Людмила Николаевна была молчалива. Ее обычно живой взгляд стал остекленевшим и рассеянно блуждал. Дом Пряниковых погрузился в хаос, достойный цеха бракованных конфет. Варины школь-

ные награды – благодарности “За лучшую статью о чистоте ручьёв Грибочинска” и участие в сборе макулатуры соседствовали с бумагами из полиции – «Акт изъятия»: 1. кружка «Лучший работник года», 2. тетрадь – годовой план по развитию кондитерской фабрики «Сластена». Варвара не понимала логики следователя… Людмила Николаевна, словно заводная кукла с севшей батарейкой, кружила по кухне.

– Компотик хочешь? Может бутерброд?.. – она машинально поправила Варваре волосы, – Борщов… он же не поверит, что ключи от склада А-4 я Боре вчера отдала… И почему “правда о сахаре”? Разве у сахара есть темные тайны?

Людмила Николаевна разговаривала сама с собой.

– Мам? – осторожно спросила Варвара, наливая чай. – Что случилось? Что произошло между тобой и Аркадием Федоровичем?

– Варечка, пожалуйста, не сейчас… – Людмила Николаевна отмахнулась. – Это служебное. Иди спать. Все будет… ничего.

Но “ничего” не было. На следующий день в маленьком городке разразился скандал по масштабам сравнимый с изобретением безглютеновых пряников. Весть об убийстве директора кондитерской фабрики разнеслась со скоростью света по всему городу. Событие комментировали все: от пожилой бабушки Федосьи у подъезда (“Я сразу знала про его сердце! Он же столько крема таскал!”) до директора школы («Выпускники! Хорошее образование – долг каждого граж-

данина!..» далее директор развил свою «уникальную» мысль до неразумных граждан, которые совершают преступления всех мастей: от коррупции до убийств…) Огуречников, похоже, единственный, кто отнесся к делу без истерии. Он взял себя в руки.

– Пряникова, слушай. Я кое-что узнал. – шепнул он Варваре, – У охранников на проходной…

– Говори, Огурец, – сказала Варвара, – мне любая инфа теперь может пригодиться, даже малейшие детали… Я должна отвести подозрения от мамы.

– Понимаю. – поддержал ее Огуречников, – Я помогу тебе, не бойсь.

Варвара кивнула в знак благодарности.

– Слушай про вагон, – зашептал Огурец, – тот самый, который прибыл с эклерами. Его разгрузили с бокса через тыловой въезд за три часа до праздника. Логистика – полный бардак. По документам принял заместитель, то есть твоя мама. Подпись ее. Но никто не видел, как его увезли обратно в зону хранения. Он просто исчез за два часа до того, как его обнаружили абсолютно пустым. А потом в другом вагоне – труп. Ключи от склада и погрузочных машин – тоже у твоей мамы как у ответственной за отгрузки юбилейной партии.

Варваре стало плохо. Она видела лицо лейтенанта Борщова, крепкого, немногословного мужчину с лицом бульдога, когда он в очередной раз допрашивал маму дома. Он сидел на кухне, медленно помешивая чай, смотрел не в чашку, а на

Людмилу Николаевну своими маленькими свинцовыми глазами.

– Людмила Николаевна, поясните еще раз. Ваша подпись на приемке вагона. Ваши ключи. Вы последней видели Аркадия Федоровича живым – ушли с ним на склад разбираться после фиаско с эклерами. По вашим словам, вы поспорили о чьей-то халатности, после чего он сказал, что пойдет на склад проверить резервную партию… которая тоже оказалась "кем-то слитой в канализацию», а вы вернулись на площадь. Но записка… «Правду о сахаре». Что это означает?

– Лейтенант, я понятия не имею! Я честный человек! Я работаю! – голос Людмилы Николаевны дрожал. – Да, конфликты были! Ресурсы распределялись неэффективно! Нужны были инвестиции в модернизацию, а не в почетные грамоты Аркадия Федоровича! Но убийство?! И эта дурацкая театральная записка! Это провокация!

– Или способ убрать конкурента на директорское кресло? – спросил Борщов тихо, но очень внятно. Взгляд его скользнул на лицо побледневшей Варвары. – Город знает о ваших амбициях и о личных счетах. Он ведь уволил вашего брата месяц назад за пьянство и нецелевое использование меланжера? Ревизия на складе еще ничего не показала… пока. Не покидайте город, мой Вам совет… Помните, пдписка о невыезде. Если возникнет необходимость, я вызову Вас к себе в отделение.

Когда Борщов ушел, дом снова погрузился в леденящее

молчание. Варвара смотрела на маму, ее плечи подрагивали.

«Проверить бы личный секретный сейф директора… за картиной с пасекой в золоченой рамке, может там есть ответ… – Варвара услышала как мама разговаривает сама с собой…

– Мама… – начала она.

– Ложись спать, Варечка. Это чушь. Все рассосется.

Но Варвара знала – не рассосется. Огуречников был прав. След вел к маме самым прямым путем. Надо было что-то делать. Она не могла позволить, чтобы маму невиновно осудили! В ту ночь Варвара Пряникова отправила первое в жизни секретное сообщение: “Огурец. Срочно. Завтра у Фонтана. 10 утра. Без сельдерея.”

Глава 5. Огуречное расследование

Фонтан в центре парка Грибочинска, единственное место кроме фабрики, был усеян чайками, подъедающими брошенные чипсы и пряники. Варвара, в простой футболке, теплой вязаной кофте с капюшоном и джинсах, ждала Матвея. Она чувствовала себя героиней дешевого детектива. “Пряникова и Огуречников берутся за дело”. Звучало как фриковая рок-группа. Рядом лизал лапы ее пес, шпиц невероятного размера с кремово-рыжей шерсткой, именуемый Тортиком за привычку замирать при виде сладкого. Он смотрел на

фонтан с тоской философа. Матвей появился ровно в 10:00, в неизменной зеленой ветровке и с планшетом в руках.

– Более подходящего места для встречи не нашлось? – спросил он, – на виду у всех.

– Тихо, Огурец! – Варвара обернулась к псу. Тортик зевнул, показывая крошечные клыки. – Говори! Хочу докопаться до истины! Ты узнал что-нибудь?

– Узнал, – процедил Огуречников. – Начнем с логистики фабрики. Она архиважная. У нас есть три точки: прием вагона с эклерами (приняла Пряникова Л.Н., твоя мама, я уже говорил), обнаружение пустого стола с запиской в 17:45 на торжестве, обнаружение трупа в вагоне сладкой ваты дяди Сени… Получается что? Кто-то угнал вагон от тылового склада, разгрузил три тысячи эклеров, написал записку, а потом убил Сахарова и запихнул его тело в вагон, умудрившись не запачкаться кровью и ватой? Тупик. Или… гениальный план.

Матвей показал планшет. Там была схема тыловой зоны фабрики с пометками: камеры (пара штук, одна сломана). Далее личные наблюдения: забор (есть дырки), охрана (два пожилых вахтера, один любит вздремнуть перед вечерней сменой).

– Мое предположение, – продолжил Огуречников. – Вагон с эклерами не угоняли. Его быстро разгрузили ТАМ же, но не на склад. Вагон был платформой с контейнером. Есть фото.

Огуречников показал фото от патриотов-ветеранов фабрики в соцсетях.

– Да. Мама говорила, юбилейные коробки были в специальном рефрижераторе. – подтвердила Варвара, – Но зачем..?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.